

Гребеник Виктор Васильевич,
Grebenik V.V.
к.э.н., профессор
НОУ ВПО ИГУПИТ
E-mail: gvik65@mail.ru

Парадигма в современной науке и её роль в обеспечении экономической и военной безопасности России

Paradigm in modern science and its role in ensuring the economic and military security of Russia

Аннотация: В статье рассмотрены онтологические и методологические основы формирования новой парадигмы современной военно-экономической науки, как фундамента национальной безопасности государства. Предполагаются глубокие изменения во всей системе экономических и политических отношений современной России.

Ключевые слова: парадигма науки; формирование новой парадигмы военно-экономической науки; ориентиры дискуссии; национальная безопасность; военное строительство; государственная политика.

The Abstract: Ontological and methodological principles in the new paradigm formation of modern science were reviewed in this article. The authors drew attention to the necessity of formation and the role of paradigm in providing military and economic security in modern Russia. The new paradigm formation of the military and economic science, as foundation of the national security, requires profound changes in the whole system of economic and political relations of modern science.

Key words: science paradigm; formation of the new paradigm in military and economic science; discussion guidelines; national security; military construction; governmental policy.

В конце XX и начале XXI в., по мнению многих учёных, имеющийся научный инструментарий оказался недостаточным для осознания объективной реальности. Наряду с такими категориями, как методы, методология, концепции и другими, Т. Кун предложил необходимость формирования парадигмы современной науки.

Суть методологической концепции Т. Куна состоит в разграничении эволюционного («нормальная наука») и революционного типов научного прогресса. Парадигма – это те теоретические представления, методологические принципы и ценностные установки, которые остаются неизменными для «нормальной науки» и соответственно смена которых составляет содержание научной революции. В жизни научного сообщества парадигма выполняет, по Т. Куну, роль дисциплинарной матрицы, характеризующей те знания и правила деятельности, которые каждый вступающий в него должен усвоить и принять в качестве норм.

Переход к новой парадигме осуществляется по схеме «вызов – ответ». Он назревает тогда, когда наука оказывается не в состоянии связать воедино и рационально объяснить все большее количество фактов и явлений. Действительность бросает вызов самой науке, ставит под сомнение ее возможности, и новая парадигма является ответом на него. Как писал Т. Кун,

«новая теория предстает как непосредственная реакция на кризис», причем «любой кризис начинается с сомнения в парадигме» [4].

Научная парадигма объединяет в себе два начала: онтологическое (интегральный образ, или научную картину исследуемой реальности) и методологическое (идеалы и нормы научного исследования). Рассмотрим более подробно значение и сущность этих начал, с точки зрения философии науки.

Картина исследуемой реальности. Содержательным ядром парадигмы служит научная картина, или модель исследуемой реальности. Онтологическая природа такой картины сближает ее с предметом науки: в обоих случаях речь идет о фиксации специфической области интересов данной научной дисциплины. Но если предмет очерчивает прежде всего внешнюю границу этой области, линию размежевания со смежными науками, то картина исследуемой реальности – это обобщенная характеристика собственного внутреннего содержания данной предметной области. Речь идет об «особой форме знания, посредством которой интегрируются и систематизируются разнородные теоретические и эмпирические знания некоторой отрасли науки. Картина исследуемой реальности выступает для каждой науки (физики, химии, биологии, экономики, военной экономики и т. д.) в качестве своего рода универсальной схемы объяснения, принятой на определенном этапе развития. В соответствии с этой схемой строятся теоретические модели, формулируются законы и эмпирические зависимости, объясняющие наблюдаемые явления» [6].

Применительно к общественному познанию понятие картины исследуемой реальности развивает известную мысль К. Маркса о том, что представление об обществе должно постоянно присутствовать в голове теоретика в качестве витающей предпосылки [5]. В историко-экономической литературе наиболее четкая постановка этой проблемы принадлежит, по видимому, И. Шумпетеру. «Чтобы иметь возможность сформулировать какую бы то ни было проблему, – писал И. Шумпетер, – прежде мы должны иметь перед собой образ некоторой взаимосвязанной совокупности явлений в качестве заслуживающего внимания объекта наших аналитических усилий» [10]. Этот предтеоретический образ Шумпетер назвал «видением», подчеркнув, что «такого рода видение не только исторически должно предшествовать началу исследования в любой области, но может и заново вторгаться в историю каждой сложившейся науки всякий раз, когда появляется человек, способный видеть вещи в таком свете, источник которого не может быть найден среди факторов, методов и результатов, характеризующих ранее достигнутый уровень развития науки» [10].

Место научной картины исследуемой реальности в общей структуре знания обусловлено природой теоретического знания. Последнее абстрактно по своему характеру и, следовательно, схематично. Для его выражения необходим особый язык научных категорий, который нуждается в двоякого рода переводе: на язык фактов (эмпирическая интерпретация теории) и на язык мировоззрения (выявление онтологического смысла теоретических абстракций, их места в общей картине реальности) [6].

Между эмпирическим знанием и картиной исследуемой реальности возникает и непосредственное взаимодействие. Пробелы в теоретических знаниях, не позволяющие сформировать целостной картины реальности, приходится заполнять исходя из теоретически не осмысленной эмпирии, а восприятие новой эмпирии, если она вступает в противоречие с существующей теорией, возможно лишь через концептуально-образную сетку картины исследуемой реальности. Чем теория слабее, тем при прочих равных условиях интенсивнее непосредственное взаимодействие между эмпирией и картиной реальности.

Идеалы и нормы научного исследования. В то время как онтологическая составляющая научной парадигмы отражает сложившееся в данном научном сообществе представление об объекте познания, методологическая ее составляющая задает образ самой науки, или, точнее, представление о том, какие методы и результаты познавательной деятельности вправе претендовать на статус научных.

Идеалы научности нормативны. Причем не только в том смысле, что члены научного сообщества воспринимают их в качестве образцов профессиональной деятельности. Происходит институционализация этих образцов [8]: они становятся критерием, мера соответствия которому влияет и на уровень ресурсного обеспечения конкретных научных программ, и на профессиональный статус ученого, и на отбор материалов для публикации.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится в сфере влияния двух различных групп факторов: специфических для данной научной дисциплины и общенаучных, междисциплинарных. Исследуемая реальность может быть статичной или динамичной, жестко детерминированной или вероятностной, естественной или искусственной, природной или социальной. Отсюда тенденция к спецификации как методов исследования, так и критериев оценки научных результатов. В то же время взаимные контакты между учеными разных специальностей и единство механизма функционирования науки как социального института вызывают к жизни противоположную тенденцию к унификации идеалов научности. Общенаучные идеалы складываются под определяющим влиянием наук-лидеров, прежде всего математики, физики и философии, что служит постоянным источником методологических споров среди обществоведов. Одни стремятся сделать обществознание более строгим, более «научным», равняясь на образцы точных наук; другие, наоборот, ратуют за гуманитаризацию общественных наук, подчеркивая их принципиальное отличие от естествознания.

Идеалы научности не только испытывают, но и сами оказывают влияние на картину исследуемой реальности. Так, более жесткие требования к знаниям: их универсальности, проверяемости, количественной определенности - склоняют исследователей к более избирательному взгляду на свой объект и, стало быть, к формированию более простой картины реальности, оставляющей все, что не универсально и не измеримо, за своими рамками.

Роль идеалов научности и в целом институциональной среды научной деятельности меняется по стадиям научного развития. Для эволюционных стадий (куновской «нормальной науки») ее можно считать нейтральной. В этих условиях логика развития науки определяется взаимодействиями внутри системы знания – между теорией, эмпирией и картиной исследуемой реальности. В период смены парадигм возникает ситуация, когда процесс выходит за рамки системы знания и вступает в противоречие с институциональной средой: идеалами, нормами, критериями научной деятельности.

Суть конфликта в том, что новые идеи должны оцениваться по старым критериям, сформировавшимся под влиянием и для поддержания прежней парадигмы. Других просто нет! Инерционность критериев повышает устойчивость господствующей парадигмы и требует от ее оппонентов повышенной активности и безусловной убедительности в аргументации. Подобный консерватизм научного сообщества имеет и свое оправдание: он защищает науку от посягательств не науки. По свидетельству знаменитого физика В. Гейзенберга, «в истории никогда не существовало стремления радикально перестроить здание физики. Наоборот, все всегда начинается с весьма специальной, узко ограниченной проблемы, не находящей решения в традиционных рамках. Революцию делают ученые, которые пытаются действительно решить эту специальную проблему, но при этом еще и стремятся вносить как можно меньше изменений в прежнюю науку» [3]. На вопрос, почему ошибочно требовать ниспровержения

всего существующего, если потом все равно происходит революция, Гейзенберг ответил однозначно: «Потому что при этом возникает опасное стремление к произвольным изменениям даже там, где законы природы полностью исключают возможность изменений. Попросту игнорировать существующие законы природы пытаются в науке писатели-фантасты и группы вроде изобретателей вечного двигателя» [3].

В различных науках парадигмальный сдвиг имеет свои особенности. Принципиальное отличие социальных наук состоит в том, что противоречия здесь возникают не только в результате все более глубокого постижения изучаемого объекта, но прежде всего на основе качественного изменения самого объекта – общества, его форм и структур, условий жизнедеятельности и функций. Здесь всегда присутствует момент исторической ограниченности знания, опирающегося на прежний опыт и способного в лучшем случае лишь предсказать ведущие тенденции развития в будущем.

Признаками, свидетельствующими о необходимости появления новой парадигмы, служат наличие дискомфорта, некоторой теоретической «неловкости», неспособность без натяжек объяснить происходящие явления, втиснуть их в устоявшиеся схемы. Типичным становится уклон в сторону эмпиризма и прагматизма, отмахивание от «общих вопросов», объявление теории простой «болтовней».

Потребность в новых социальных обобщениях обусловлена качественным сдвигом в развитии человеческой цивилизации. Продолжение сложившихся тенденций очень быстро приведет к историческому тупику. Исчерпаны возможности конфронтационного, основанного на социальных антагонизмах существования и развития общества. Нарастают тенденции целостности, синтеза культур и цивилизаций, формирования общечеловеческого суперэтнуса. Меняются традиционные системы ценностей и предпочтений.

Все более ощущается несостоятельность сложившихся в общественных науках взглядов и представлений. Это не локальное явление, а общемировая тенденция, которая отмечается многими выдающимися учеными.

Общим свойством новых теоретических парадигм является то, что они не отбрасывают прежние знания, а интегрируют их. Причем они нередко выступают как «частный случай» более широких воззрений. Примером могут служить соотношение формальной и диалектической логики, эвклидовой и неэвклидовой геометрии, механики Ньютона и теории относительности Эйнштейна, а также военное хозяйство и военная экономика, военная экономика и экономика национальной безопасности, экономика национальной безопасности и глобальная безопасность человечества.

Парадигмальный сдвиг связан, как правило, не только с разработкой иной системы идей и представлений, но и с формированием качественно нового типа или стиля самого мышления, обновлением методологии и понятийного аппарата науки.

Даже если отложить в сторону исходную концепцию Т. Куна, предполагающую монополию доминирующей парадигмы, нельзя игнорировать его мнение о том, что **парадигма - это долговременно существующий общий способ мышления научного сообщества**. Сменяющие друг друга поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. Это критерий, которому отвечает системная парадигма. Она позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем, что и призваны делать парадигмы.

У каждой науки формируется и работает своя парадигма. По мнению Я. Корнаи, профессора экономики Гарвардского университета, ученые используют одну и ту же парадигму в своей исследовательской и преподавательской деятельности при следующих общих условиях:

1) если они стремятся разрешить единые или тесно связанные между собой «загадки»; рассматривают социальную реальность под одинаковым или почти под одинаковым углом зрения; изучают один и тот же или почти один и тот же набор явлений и готовы абстрагироваться от одинаковых явлений или их не рассматривать; работающие в рамках общей парадигмы характеризуются одинаковыми или близкими мировоззрением, взглядами и подходами;

2) если они используют единый или близкий понятийный аппарат (или относительно просто составляется список терминов, переводящих понятийный аппарат одного автора в понятийный аппарат другого);

3) если они применяют одну и ту же или близкую методологию для наблюдения, обработки эмпирических данных и формулирования выводов; подкрепляют свои констатации одними и теми же или схожими методами.

Других общих свойств у них нет. Иными словами, «партнеры по парадигме» совсем не обязаны исходить из одинаковых аксиом или делать одни и те же общие выводы. Наиболее важный набор свойств суммирован в п.1: общая парадигма присуща тем, кто изучает одну и ту же проблему, причем схожими способами. Тогда они работают в рамках общей исследовательской парадигмы.

Понятие парадигмы, представленное в трех вышеприведенных пунктах, не вполне соответствует определению, данному Т. Куном. Однако оно весьма близко к тому смыслу, который сегодня вкладывают в это понятие ученые, не так хорошо знакомые с философией науки.

Многие сомневаются в том, что динамическая схема Т. Куна («нормальная» наука развивается в рамках существующей парадигмы, затем следует научная революция, приводящая к триумфу новой парадигмы) находит подтверждение в истории естественных наук. Безусловно, она не типична для истории общественных наук. Использование нами термина «парадигма» в менее узком смысле, очевидно, допускает возможность существования альтернативных парадигм в общественных науках, играющих конструктивную, прогрессивную роль. Здесь мы отнюдь не собираемся выступать за некое беспринципное их «мирное существование». В истории общественных наук имеются примеры того, как одна парадигма уступает место другой, более жизнеспособной. Если сторонники двух, в остальном совершенно разных, парадигм заняты решением одних и тех же проблем, между ними возникает соперничество.

Современная практика обеспечения безопасности современной России. Основываясь на сказанном, можно утверждать, что на протяжении десятилетия основной проблемой экономического обеспечения военной безопасности было отсутствие единого концептуального взгляда. Но даже самые талантливые люди без концептуального обеспечения не смогут делать эффективную политику. Концепция военно-экономической политики – это резюме военно-экономической науки для практической деятельности по экономическому обеспечению военной безопасности. Вот почему разработка парадигмы (теоретической модели) военной экономики XXI в. имеет огромное практическое значение для начавшихся в стране преобразований, и прежде всего для формирования военно-экономической политики государства.

Конкретное содержание военно-экономической политики на том или ином историческом этапе определяется исходя из перспектив развития геополитической и военно-стратегической обстановки в мире, реальных и потенциальных угроз национальной безопас-

ности. Немаловажное значение имеют также анализ процесса становления новой системы политических, экономических, социальных отношений в обществе, хода военной реформы, оценка текущего состояния безопасности государства. Многочисленность и изменчивость факторов, влияющих на военно-экономическую политику, затрудняет их достоверную оценку и даже при чисто прагматическом подходе к формированию концептуальных положений предполагает широкий диапазон мнений о ее содержании, основных направлениях.

Суть проблемы заключается в необходимости сформировать новую парадигму военно-экономической науки на современном этапе, без которой практические проблемы экономического обеспечения военной безопасности, которые диктует жизнь, будут решаться долго и мучительно. Опираясь на эту парадигму, ученые более согласованно и целеустремленно смогут решать актуальные проблемы военно-экономической науки с выходом на разработку практических военно-экономических задач, а политики – принимать действенные законы в области военного строительства, его экономического обеспечения.

Из рассмотренного выше напрашиваются два очевидных вопроса, на которые в данном исследовании необходимо дать ответы. Первый вопрос: Что же из себя представляет парадигма военно-экономической науки как фундамент национальной безопасности государства? В чём её суть? Автором предлагается следующее определение. Парадигма военно-экономической науки – это система основополагающих категорий, идей и представлений, отражающая характерный для определенного этапа способ экономического обеспечения войн и определяющая долговременно существующий общий тип военно-экономического мышления. Она способствует разрешению возникших в военно-экономической науке противоречий, открывает путь к дальнейшему углублению знания.

Второй вопрос: В чем состоит практическая значимость формирования новой парадигмы военно-экономической науки на современном этапе? Может быть, кто-то подумает с осуждением: страну сотрясают экономический кризис и социальные бури, которые вот-вот дойдут до точки кипения, а мы разворачиваем академическую дискуссию вокруг, казалось бы, очень абстрактной проблемы. Не для самооправдания, а чтобы **обозначить некоторые важные ориентиры дискуссии** о парадигме, приведу отдельные соображения в пользу того, что обсуждаемая проблема имеет прямой выход на жизненно важные проблемы современной военно-экономической действительности.

Возьму на себя смелость утверждать, что одна из главных причин ошибок и неудач военно-экономической политики российского правительства в перестроечный период, которые придали столь болезненный характер нынешнему кризису, состояла в отсутствии адекватного, достаточно широкого теоретического и методологического подхода к обоснованию военного строительства.

Вытекая из необходимости обеспечения военной безопасности как элемента национальной безопасности в целом, военное строительство пронизывает все без исключения стороны жизни любого государства, тем более на этапе его реформирования. Этап становления нашего государства, его политической системы, перестройки экономики и самого сознания людей и связанные с этими процессами нестабильность, резкие смены общественных настроений, мучительные поиски социальных приоритетов выдвигают на первый план **«внешние», точнее надсистемные** по отношению к военной сфере и самим Вооруженным Силам факторы, во многом определяющие направленность, темпы и результаты процессов в Вооруженных Силах.

Основанием для такого вывода служит прежде всего то, что Российские Вооруженные Силы создавались и строятся не на пустом месте и не в отрыве от процессов, происходящих в

стране в целом. И дело, к сожалению, даже не в том, что мы имеем в арсенале опыт, энергию и знания тысяч высоко подготовленных офицеров. А в том, что эффективность их использования не всегда зависит от них самих.

Исходной точкой, базой в сфере обеспечения национальной и, следовательно, военной безопасности являются осознание и определение на высшем государственном уровне места самого государства в мире, его интересов, способности и желания воздействовать на те или иные мировые процессы, а также последствий и «меры ответственности» за подобное воздействие, принципов взаимоотношений с ближними и дальними соседями, характера возможных угроз национальной безопасности и выработки подходов к формированию соответствующего потенциала для их парирования, в том числе, разумеется, и в военной области. Исключительно важными являются оценка своих реальных возможностей и прогнозирование динамики их изменения в зависимости от состояния самого государства.

Это далеко не простые вопросы. В самом деле, кто, например, четко может обозначить ту грань, за которой уже не действительны иные меры, кроме применения военной силы, насколько вообще в современном мире, при наличии ряда государств, военная мощь которых достигла критических значений, десятков международных организаций и целой системы международно-правовых норм и договоров, можно уповать на силу? И вообще, насколько эффективно ее применение и является ли она «последним» средством разрешения спорных вопросов? На эти размышления, в частности, наталкивают последние события в Ливии. Они преподали урок тем пацифистски настроенным кругам, которые, основываясь на кардинальных изменениях в мировой расстановке сил, готовы утверждать об исчезновении внешней военной угрозы для Российского государства. Ясно одно: сегодня нельзя в интересах будущего России спокойно наблюдать за развитием событий в мире, за продолжающимися военными приготовлениями и фактами решительного и безоглядного применения всего арсенала военной мощи (как это, например, произошло в бывшей Югославии, Ираке и Ливии со стороны НАТО – «гаранта мира и стабильности»). В этой связи, к сожалению, еще долгие годы гарантии независимости и безопасности страны будут теснейшим образом связаны с военным потенциалом и опираться на него.

Изложенный выше в самом общем виде подход лежит в основе принятия важнейших государственных решений в военной области и определяет содержание и направленность политики в области обороны.

Такой подход обуславливает документальное «оформление» этой направленности, которое выражается в принятии федеральных законов **в области обороны, военного строительства и строительства Вооруженных Сил**, и находит свое воплощение в коротких положениях указов Президента, постановлениях Правительства и приказах должностных лиц Министерства обороны.

К сожалению, не все эти документы могут удовлетворить нас с точки зрения раскрытия экономических аспектов военного строительства, да и появились они с очень большим опозданием. Большая их часть разрабатывается в России впервые. Важно сделать так, чтобы они стали пригодными для использования во всех сферах обеспечения военной безопасности нашего государства, в том числе и в области военной экономики, переживающей в настоящее время кризис. Он проявляется в ухудшении оснащенности Вооруженных Сил и социального положения военнослужащих и членов их семей, гражданского персонала, что отражается на престиже военной службы, моральном состоянии войск, их боеготовности и на боевом потенциале государства в целом, а также сказывается в снижении качественного уровня вооружений и военной техники, которыми оснащены войска.

Поэтому, видимо, естественно требовать от разработчиков, чтобы в основополагающих документах по военному строительству в Российской Федерации значительное внимание было уделено экономическим аспектам, поскольку **экономика является фактором постоянно-го воздействия на оптимизацию военного строительства и наиболее интенсивной части этого процесса – военной реформы.** Это объективный закон, игнорирование которого оборачивается многими негативными последствиями.

В практической плоскости это означает выделение основных направлений деятельности всего государства и его институтов, как собственно государственных, так и общественных, формирование системы принятия государственных решений, планирования их реализации и непосредственного воплощения в жизнь в рамках государственных программ. Кажущаяся простота кратко изложенной схемы, к сожалению, не отражает действительной сложности стоящих в военной области проблем. Объективно требующие многоплановых исследований и проработки, они по-разному оцениваются различными слоями общества и, естественно, формируют широкий спектр взглядов на военную область как часть **государственной политики в целом.**

Но для дела это недопустимо и чревато многими потерями, ведет к снижению эффективности деятельности по реформированию военной организации государства. Необходима одна генеральная линия военного строительства и концентрация усилий всех его участников на реализации поставленных целей. Национальные интересы России в военной сфере требуют не противопоставления действующего и предлагаемых планов военной реформы, а тесного сотрудничества всех ведомств и ветвей власти с Генеральным штабом Вооруженных Сил. Он является исполнительным органом для претворения в жизнь решений Верховного командующего Вооруженными силами. Военная реформа - дело государственное. Ее успешное завершение послужит укреплению национальной безопасности России в военной сфере. И. Т. Посошков в свое время говорил: «... иноземцы такие же люди, что и мы, да они гражданским уставом тверды и в мастерстве добры, а егда и у нас гражданский устав будет тверд, то могут наши художники и превышшите их» [14].

Дело в том, что создаваемая военная организация общества и в еще большей степени сами Вооруженные Силы не могут строиться, полноценно функционировать и заниматься военной подготовкой по приблизительным, не устоявшимся меркам. Прорех именно в этих вопросах у нас еще очень много. Отсюда и множество «концептуальных» подходов к облику Вооруженных Сил. Бесконечные метания в определении их численности, «реформаторский зуд», периодически беспокоящий тех или иных представителей нашей общественности и дезориентирующий занятых в сфере обороны специалистов.

Надо добиваться единого понимания в государстве того, какой комплекс ответственных решений требуется принять для строительства Вооруженных Сил. Формироваться и реализовываться упомянутые решения должны практически всеми государственными структурами, ибо армия сама не в состоянии, да и не должна этого делать. Особенно наглядно необходимость единства и согласованности действий всех звеньев военного строительства проявляется в области его экономического обеспечения, выработки и проведения в жизнь грамотной военно-экономической политики.

Новая парадигма сможет возникнуть только в результате длительного и мучительного процесса разрешения насущных философских, общенаучных и военно-экономических проблем. Но когда она появится и будет принята научным военно-экономическим сообществом, то станет ядром теории и методологии, инструментом разрешения последующих назревших научных проблем, принятия научно обоснованных решений в области военно-экономического

обеспечения строительства Вооруженных Сил РФ. Разработка новой парадигмы военно-экономической науки не только поможет вооружиться адекватным инструментом научного поиска, но и позволит поднять весьма плодородный пласт военно-экономической мысли, будет способствовать делу самопознания и возрождения величия русского народа, российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – 456 с.
2. Гребеник В. В. Роль парадигмы в современной экономике: Сб. тр. преподавателей. – М.: МАЭП. 2009. – С.137. – 144.
3. Гребеник В. В. Роль парадигмы в науках и практическое значение ее формирования в современной экономике: Сб. тр. преподавателей. – М.: МАБИУ. 2009. – С. 88 – 99.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс. 1977. – 554 с.
5. Огурцов А. П. Институционализация идеалов научности: // Идеалы и нормы научного исследования. – М.: Политиздат, 1984. – 321 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч.: в 50 т. – М.: Изд-во политической литературы, 1955 – 1981. – Т. 46, ч. I. –234 с.
7. Посошков И. Т. Книга о сути и богатстве и другие сочинения. Посошков И. Т. Книга о сути и богатстве и другие сочинения. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 312 с.
8. Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф. Идеалы объяснения и проблема взаимодействия наук. – Минск, 1981. – 345 с.
9. Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М.: Наука, 1978. – 326 с.
10. Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. – N. Y., 1954. –P. 41.